ПОРТРЕТ •• Константин Федосеев

К Риголетто

В театре «Дилижанс» зреет интересная премьера. Артисту Константину Федосееву доверена ее главная партия — Риголетто.

НАТАЛЬЯ ХАРИТОНОВА
mail-ps@mail.ru

Константин, за вашими актерскими плечами — около четырех десятков ролей. Но сегодня «Дилижанс» представил вас в новом качестве: оказывается, вы еще и сценарист. Вы и раньше этими занятиями грешили?

— Честно говоря, я этим занимался мало. И больше для себя, наверное. А тут так карты совпали, что Ирина Храмкова предложила мне поработать над этим материалом.

— Речь о «Дюймовочке»?

— Да. Я сначала написал эту инсценировку в классическом варианте, но потом мы решили сделать уклон в сторону диснеевского жанра. Так интереснее.

— Но финал тот же?

— Вот над финалом мы как раз еще думаем.

— Вы вообще пишущий человек?

— Да. Иногда и стихи пишу, иногда и песни. Немного играю на гитаре, и порой, конечно, хочется самовыразиться.

К «Парусам»

— Получилось, что вас от ролей в детских спектаклях к более серьезному и мощному репертуару вывел Пушкин. Правильно я понимаю?

— Я пришел в театр в 2007 году. Пришел в студию, которую вел Виктор Мартынов. Я тогда учился в десятом классе, и у меня тут же начались проблемы с учебой.

— Театр виноват?

— Я очень много времени посвящал студии. Пришлось ее покинуть, чтобы сосредоточиться на учебе.

— По родительскому велению?

— Ну конечно. Я ведь раньше учился на четверки. А тут до двоек скатился.

— Покидали мучительно?

— Очень. Влюбился в театр. Не мог без него жизни представить. И вот вернулся сюда уже в 2004 году. Татьяна Вдовиченко пригласила меня на мюзикл «Алые паруса».

— Школу-то вы к тому времени закончили?

— Конечно. Я уже и в Татищевском университете на программиста успел поучиться, и в колледже искусств четыре года учился академическому вокалу. В «Алых парусах» мне предложили роль сказочника, который рассказал Ассоль эту красивую сказку.

— Значит, вернулись в «Дилижанс» с парусами?

— Да. Потихоньку начал набирать репертуар, учиться. Потому что практики у меня сценической было достаточно мало. С этого момента стал учиться актерскому мастерству.

— И программист в вас умер?

— Я вообще математику никогда не любил.

Предчувствие любви

— Константин, в «Дилижансе» вы влюбились в театр всерьез. А в студию как попали? Предчувствие любви?

— В студию мне предложил прийти мой брат Михаил Суслов. Он был практически у истоков нашего театра. А мне всегда хотелось стать актером.

— А зачем хотелось?

— Такой сложный вопрос на самом деле. Наверное, хотелось как-то выразиться, как всем в этом возрасте. Что-то такое надеть неприемлемое для родителей, прическу невероятную сделать или начать петь и танцевать…

— Так все-таки Пушкин виноват?

— Я к этому и веду. После того как у меня начали появляться небольшие роли в детских спектаклях, в 2007-м поступил в Самарскую академию на кафедру режиссуры. Режиссуры потому, что мне хотелось посмотреть, как это актерское мастерство выглядит со стороны. И как раз в 2007 году театр начал восстанавливать «Маленькие трагедии» Пушкина. Я очень хотел в них сыграть. Я видел этот спектакль раньше, и у меня была мечта сыграть хоть кого-нибудь в этом спектакле.

— А кто-нибудь про эту мечту в театре знал?

— Я думаю, нет. О таких вещах как-то обычно и не рассказываешь никому. Конечно, я хотел сыграть в «Каменном госте» Дон Гуана. Но когда спектакль восстанавливали в первый раз, меня туда не взяли. И моего имени в распределении ролей не было.

— Интересно, как в такие моменты себя чувствуешь?

— Обидно очень! Обидно прямо до слез. Но я решил не сдаваться и попросился у Татьяны Вдовиченко играть в паре с кем-нибудь Альберо из «Скупого рыцаря». Так, наверное, впервые проявились мои актерские амбиции. И мне дали зеленый свет. Это было очень хорошим стартом. А когда спектакль восстанавливали во второй раз, я уже сыграл Дон Гуана.

— Сбылось!

— Мечта сбылась. Я сыграл Гуана. Но! Смотря на себя со стороны, я сейчас понимаю, что тогда у меня еще совсем не было ни актерского, ни жизненного опыта. На тот момент я сделал все, что мне позволял мой возраст. Так что сейчас я бы все сделал совсем по-другому.

— Будем считать это заявкой на третью жизнь спектакля?

— Ну, если честно, мне хотелось бы, чтобы его восстановили… Но лучше — приятные воспоминания.

Новый сезон с Риголетто

— У вас нынче очень интересно начинается новый сезон. Я говорю о Риголетто.

— Да. У Виктора Мартынова лет семь как минимум зреет идея поставить «Риголетто». Он уже давно занимался синтезом, думал над тем, как совместить трагедию с музыкальным материалом. И в этом году мы этот спектакль выпускаем. Я получил в нем роль Риголетто.

— Поздравляю!

— Спасибо большое. Я раньше и мечтать не мог о Риголетто.

— Как погружение в роль? Какой у вас Риголетто?

— Я бы не сказал, что работа над самой ролью дается слишком сложно, гораздо сложнее сам персонаж. Сложнее в нем существовать, потому что там, внутри, все очень страшно. Там очень темно.

— До того как вы начали работать над этой ролью, вы уже знали о степени тьмы в этом образе?

— Нет, наверное… Мы к этому потихоньку подходили. Начали репетировать, подошли к разбору текста, и тут я начал осознавать, что там внутри у этого человека.

— И тьма сгустилась…

— Она начала сгущаться. Мы с Виктором Мартыновым много о нем разговаривали.

— Интересно, Константин, а как же вся остальная действительность, когда так глубоко погружаешься в такую черную дыру? Тяжело же, наверное, жить с Риголетто внутри?

— На самом деле все равно есть зазор между ролью и жизнью… Действительность остается. Иначе же можно просто в больницу попасть. Я все равно здесь. Я вижу, что здесь, над сценой, висят прожектора. И это не какой-то там потрескавшийся потолок Лувра.

— Но перечитываете, думаете…

—Постоянно.

— И это накладывает отпечаток?

— Честно говоря, любая роль отпечаток накладывает. И чем она мощнее, тем он больший. Он может даже физически проявляться. Тут такая мистика.

— А было что-то такое с вами мистическое?

— Было. Например, с Кащеем… И с Риголетто так же. В душе-то тяжело, неприятно. Помню, когда весенние репетиции закончились, я очень сильно заболел. Такие это мощные энергетически роли.

Наша справка

●● **Учился в колледже** искусств при Тольяттинском институте искусств по классу «Сольное пение».

●● **В 2004 году** был приглашен в театр «Дилижанс» для участия в мюзикле «Алые паруса». Был занят в детском театре «Магия» под руководством Людмилы Суворовой.

●● **Закончил курс** в СГАКИ по специальности режиссера театра, педагог.

— А Виктор Мартынов говорит, что вы хотели сделать этот спектакль легким. Как же это?

— За счет песен, за счет обилия музыки.

— Ваш Риголетто поет?

— Да, там у меня есть две арии из оперы Верди. Просто музыка в современной обработке.

Доктор Вернер

— Константин, везет же вам на классиков. Вот и в «Герое нашего времени» вы играете доктора Вернера. Как вам в Лермонтове живется?

— Хорошо живется. Но вот там как раз было сложнее работать над ролью. Если в Риголетто про героя все в основном понятно, то в лермонтовском Вернере все сложнее. Наверное, доктор — это немного сам Лермонтов. Смотрит на Печорина как бы со стороны и вроде бы помогает ему. Но с точки зрения сюжета персонаж вызывает сомнения. Мне всегда сложно находиться в докторе Вернере, потому что каждый раз перед выходом на сцену мне приходится заново понять, зачем я там нужен. Нужно придумать его важность. С Вернером я не нашел еще такой вещи, которой мне бы хватило на много спектаклей: приходится каждый раз по-новому для себя его оправдывать.

Мой дом

— Ставить сами не собираетесь? Режиссерский диплом режиссера не разбудил?

— Не тянет меня пока в режиссуру. Тут надо все за всех знать, на любой дурацкий актерский вопрос ответить.

— А вы сами много дурацких вопросов задаете?

— Бывает! Тут вся надежда на режиссера.

— Родители приняли вашу актерскую стезю?

— Приняли. Не хотели, долго сопротивлялись, но в результате все равно приняли мой выбор.

— В этом году у вашего театра четвертьвековой юбилей. Что вам дорого в «Дилижансе»?

— Этот театр меня воспитал. Это мой дом. Я здесь всегда чувствую себя как дома. Некоторые вещи я даже дома у себя делать не могу, а здесь, в театре, они получаются.

— Например?

— Например, сосредоточиться. Конечно, мне здесь очень дороги люди. Виктор Мартынов, можно сказать, мой творческий отец.

— Вместе с этим юным «отцом» вы прошли трудные времена, когда театр выживал, а артисты работали без зарплат. Сегодня директор театра Ирина Миронова верно заметила, что такой серьезный юбилей — время вспоминать. Как вспоминается то сложное время?

— Тяжело было, но весело. И в чем— то даже лучше, чем сейчас. Было так много творческой энергии, хорошего энтузиазма. Хотелось что-то создавать, экспериментировать… Да и театр тогда был совершенно не зависим ни от чего.

— А что завтра, Константин?

— Завтра… Надо развиваться, работать над собой. Надо быть честным перед самим собой. По крайне мере, перед самим собой. Это важно.

— Особенно важно, потому что у вас — честный театр.

— Я тоже так думаю.

Тел. 51-06-45
Есть вопросы? Звоните в редакцию.